

УДК 343.8

DOI: 10.17223/22253513/22/9

А.М. Смирнов

ПРАВСТВЕННО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ В РОССИИ КРИМИНАЛЬНЫХ ВНЕСУДЕБНЫХ ФОРМ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В СФЕРЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье приводится характеристика нравственно-культурологических детерминант распространения в России криминальных внесудебных форм защиты прав и свобод личности в сфере уголовно-правовых отношений, доминирующее место среди которых занимает самосуд. Основными из данных детерминант являются правовой нигилизм, криминализация общества, распространение в нем криминальной субкультуры, героизация вершителей самосудных расправ.

Ключевые слова: внесудебные формы защиты прав и свобод личности, правовой нигилизм, фольклор, дискриминация, криминальная субкультура, героизация личности, самосуд.

Правосудие в России согласно ч. 1 ст. 118 Конституции Российской Федерации [1] и чч. 1, 2 ст. 8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2] осуществляется только судом, приговор которого является единственным доказательством виновности лица в совершенном преступлении. Решение о преступности совершенного деяния, его наказуемость и применение иных уголовно-правовых последствий суд принимает только на основании Уголовного кодекса Российской Федерации (ч. 1 ст. 3) [3].

Указанные положения нормативных правовых документов федерального значения устанавливают право принимать меры реагирования на общественно опасные деяния, совершенные в пределах границ Российской Федерации, только за государством. Тем самым нормативно обеспечивается и охраняется присвоенное государством еще на начальных этапах своего развития право на насилие и реализация полномочий по осуществлению правоохранной деятельности посредством функционирования специально созданной системы правоохранительных органов во главе с судом. Иными словами, установлен законодательный запрет для граждан на самостоятельное реагирование на причинителей вреда, за исключением защиты своего правового статуса в случае ряда обстоятельств, исключающих преступность деяния (необходимой обороны, крайней необходимости и причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление).

Вместе с тем в истории развития российского общества в сфере уголовно-правовых отношений всегда присутствовали внесудебные формы защиты прав и свобод личности, имеющие как некриминальный (позитивный), так и криминальный (негативный) характер. Последние из них получили наибольшее распространение, однако мы этого не замечаем в силу их чрезвычайно высокой латентности, особенно в плоскости бытовых отношений.

К криминальным из них мы относим: реагирование на провоцирующее поведение потерпевшего криминальными способами; злоупотребление правом; реанимация криминальных основ обычного права (криминального самосуда).

Наибольший интерес для нашего исследования вызывает криминальный самосуд, как явление, не только занимающее доминирующее положение среди указанных форм, но и в силу своей малоизученности.

Под самосудом мы понимаем самостоятельное противоправное реагирование граждан во внесудебном порядке на нарушение установленных в обществе правовых предписаний, нравственных запретов, а также обычаев и традиций, совершаемое в форме возмездия [4].

В основном самосуд был явлением, характерным для догосударственного общества, еще неокрепшей государственной власти, времени неразвитого права, когда конфликты между людьми разрешались первобытными, варварскими способами. Тем не менее в современной России можно наблюдать всплеск самосудных расправ.

К сожалению, специальной официальной статистики по самосуду в России не ведется. Однако результаты контент-анализа сведений, фигурируемых в средствах массовой информации, свидетельствуют о том, что около 75% современных российских граждан готовы совершить самосуд, т.е. умышленно нарушить закон ради защиты себя или своей семьи¹. По итогам голосования зрителей и телезрителей телевизионных программ «Открытая студия» (5 канал) и «К барьеру» (канал НТВ) в первом случае были получены следующие результаты: 76,7% респондентов считают, что лица, совершившие самосуд, – это «народные герои», 14% – позор для страны, но не порицают их, и только 9,2% полностью осуждают их действия, называя преступниками; во втором – за самосуд проголосовало 81% респондентов, против него только 19%.

Согласно мнению Б.А. Спасенникова, причин для учащения самосудных расправ над мнимыми или реальными причинителями вреда современная российская действительность накопила более чем достаточно. Среди них – рост социальной агрессивности, снижение эффективности работы правоохранительных органов по противодействию преступности на фоне ее небывалого роста, несправедливое, по мнению обывателя, антикриминальное законодательство, позволяющее судам назначать наказание, не адекватное размеру причиненного вреда или ущерба, неспешность «машины правосудия», коррумпированность ветвей власти практически на всех уровнях, создающая серьезные препятствия для граждан в официальной реализации своих прав на защиту от преступных и иных посягательств, и т.д. [5. С. 4].

Самосуд не только в России, но в других странах – это выражение отчаяния, бессилия и обреченности морально парализованного общества. Он получает свое широкое распространение в том социуме, в котором наблюдается деформация культурного и духовного мировосприятия как обычных граждан, так и властимущих.

¹ Дискуссия в российском обществе: как остановить самосуд и не бросить тех, кто ждет справедливости. URL: <http://www.1tv.ru/news/social/216619> (дата обращения: 24.03.2013).

Если в социальной сфере господствует вопиющее неравенство людей, несоответствие слов делам, в семьях процветает моральная нечистоплотность и жестокость по отношению к детям, средства массовой информации и культуры пропагандируют насилие и порнографию, воспитывают людей на идеях вседозволенности, образцах низкопробного искусства, – это реальная угроза безопасности обществу [6], обуславливающая проявление у его представителей первобытно-общинных установок на защиту своего социального и правового статуса и статуса своих близких от противоправного или аморального поведения.

Как отмечают некоторые ученые, на протяжении многих столетий в России не закрепилось ценностного отношения ни к личности, ни к праву. Для большого числа людей не затребованная ими, а предоставленная им в свое время свобода породила значительную степень неопределенности, незащищенности и невротизации. Поэтому в культурных традициях русских взаимоотношений отмечается преобладание нравственного сознания, моральных представлений над политическими и правовыми [7].

В культуре и быте русских людей обыденное самосознание, признание очевидной правды и безусловной истины, определенная свобода во взаимоотношениях всегда были выше господских узаконений, главенствовали над «лабиринтами» положений государственных нормативных правовых документов и т.д.

Понятия «правда» и «закон» для русских людей имели и, наверно, еще будут иметь разное (можно даже сказать противоположное) значение. Это видно по национальному фольклору, а точнее, по пословицам и поговоркам, наиболее точно и ярко отражающим философию жизни и мировоззрение русского человека. Как отмечает О.Р. Гулина: «Словесная речь – это откровение, дар Божий, а потому пословицы и поговорки, близкие к корням души русской, наиболее полно раскрывают мировоззрение народа» [8].

«Кто за правду горой, тот истинный герой» или «Хоть бы все законы пропали, только бы люди правдой жили» является отражением отношения русских людей к правде. Зато по поводу закона и лиц, его реализующих, русская фольклорная мысль иного мнения: «Не держись закона, как слепой забора», «Право есть, да закона нет», «Закон что дышло, куда повернул, туда и вышло», «Что мне законы, коль судьи знакомы», «Суд прямой, да судья кривой», «Законы миротворцы, да законники крючкотворцы», «Именем бога можно творить зло, именем закона – беззаконие» и т.п.

Достаточно широко отражены в русском фольклоре бюрократизм и различного рода административные препятствия, с которыми сталкиваются простые люди при решении своих жизненно важных вопросов, а также коррупционность, стяжательство и «круговая порука», свойственные российскому чиновничеству и государственной службе, что также свидетельствует о вечности данных проблем для России. «Пока до начальника доберешься, раз десять споткнешься», «Мешок денег перевесит два мешка истины», «Земля любит навоз, лошадь овес, а судья – принос», «Судиться – не Богу молиться; поклоном не отделаешься», «Поп ждет покойника богатого, а судья – тягуна тороватого», «Пошел в суд в кафтане, а вышел нагишом». «В суд пойдешь – правды не найдешь», «Судьям то и полезно, что в карман полезло», «В суд

ногой – в карман рукой», «Где закон, там и обида (преступление)», «Законы святы, да судьи супостаты», «Ворон ворону глаз не выклюет» и т.д. и т.п.

Примеры самосудных расправ нашли свое отражение в русской художественной классической литературе. Почему? Потому что без них было бы невозможно отразить весь колорит жизни русского народа. Вспомним хотя бы для этого роман А.С. Пушкина «Дубровский».

Упоминание самосудных расправ в художественной и исторической литературе свидетельствует о том, что они являлись частью этнокультурного развития русского народа, что предопределило их прочные позиции в системе межличностных отношений русских.

В качестве примера можно привести известную русскую байку:

Предложил барин мужичкам выбирать – как их судить: по совести или по закону. Мужички недолго раздумывали и ответили: «Суди нас, барин по совести, а не по закону! Потому что законов мы не знаем и знать не хотим. Мы не хотим этих законов видеть...»

Можно с уверенностью говорить, что данная позиция среди русских существует и сегодня. Так, например, в философском фильме Н. Михалкова «12», отражающего менталитет русского народа, один из его главных героев высказывает идею, что русскому человеку скучно жить по закону. «Мы в России не живем по закону, у нас другие принципы», – говорит он.

К сожалению, сейчас мало что изменилось в сознании русского человека по отношению к закону и власти, его создающей, принимающей и исполняющей. В частности, современный народный фольклор свидетельствует о негативно-пренебрежительном отношении российских граждан к правоохранительным органам, нежелании сталкиваться с их представителями в различных жизненных ситуациях, стремлении решать проблемы самостоятельно. Тому свидетельство название сотрудников полиции (ранее милиции) «ментами», «мусарами», «мусором», т.е. «социальными отходами», обращаться к которым за помощью нежелательно.

Говоря о нравственно-культурной деградации русского общества как фактора, обуславливающего распространённость на территории нашей страны самосудов, необходимо указать, что одной из детерминант данного процесса стало широкое распространение и достаточно сильное укоренение в сознании и образе жизни российских граждан криминального образа жизни, с его обычаями и традициями.

Современное русское общество настолько быстро впитало в себя элементы криминальной субкультуры, что ее проявления (жизнь «по понятиям», решение вопросов без суда и следствия, обращение к криминальным авторитетам за помощью и т.д.) стали типичным элементом межличностных отношений среди большинства обычных граждан, населяющих территорию России, особенно подрастающего поколения. Главная причина, этому способствовавшая, – идеологический вакуум, возникший после распада СССР, который быстро восполнил криминал в период своего разгула в 90-е гг. XX в., обусловленного непрофессиональными, недалёковидными и в некотором роде антисоциальными реформами.

В настоящее время появилось целое направление в нравственно-идеологическом развитии российского общества, которое уже сложно оста-

новить – романтизация преступного образа жизни. Песни, воспевающие криминал, звучат по различным телевизионным каналам и эфирам специализирующихся на этом радиостанций, что само по себе нонсенс! Тюремный сленг стал обычным составляющим в межличностном общении граждан, относящихся ко всем без исключения социальным классам, общностям и группам.

Как по этому поводу пишет А.В. Гыскэ, «все, что происходит в жизни, проходит через сознание человека. Вследствие вписанности в систему они привыкают к этому пороку жизни и перестают считать преступное преступным» [9. С. 55–56].

Из всего этого можно сделать вывод, что криминальный образ жизни стал частью культуры российского народа, который все больше вызывает у него положительных эмоций, чем отрицательных.

Почему же в России криминальная культура стала одной из доминирующих? Как отмечают криминологи, причина ясна – это огромный поток людей, проходящий через места лишения свободы туда и обратно, примерно 700 тыс. чел. ежегодно [10. С. 198].

В силу этого среди значительной части населения России укоренился совершенно определенный, «зековский», тип поведения, когда человек ведет себя с другими людьми, исходя из привычной иерархии, которую он устанавливает всюду. Такой человек везде видит только «блатных», «мужиков» и «опущенных» и ведет себя с окружающими людьми соответственно, стараясь решать свои вопросы, используя криминальные или полукриминальные средства и методы.

Высвободившись из мест лишения свободы, тюремная субкультура настолько укоренилась в сознании граждан нашей страны, что стала передаваться от поколения к поколению и распространяться даже среди граждан, не имеющих опыта отбывания наказания в виде лишения свободы.

Отдельные ученые уже отмечают наличие в российском обществе феномена «социального наследия» криминального образа жизни и привыкания к нему [11; 12. С. 12].

Лишь в последнее время весьма робко стали разрабатываться нравственные антикриминогенные нормы сообществами журналистов, кинематографистов и телевизионщиков. Но криминальная «зараза» уже укоренилась в сознании и даже в подсознании нынешних поколений, которую одними увещеваниями не остановить. И привыкание, и интерес к криминалу, особенно среди подростков и молодежи, – очень опасные и долгосрочные криминогенные тенденции [13. С. 154].

Рассматривая вопрос о нравственно-культурологических детерминантах самосуда в России, необходимо отметить, что его распространение среди населения нашей страны обусловлено низкой культурой взаимоотношений граждан в определенных жизненных ситуациях (например, между участниками дорожного движения). «Народ-то у нас дикий! Одно слово – Россия», – неоднократно повторял один из главных героев отечественного сериала «Зал ожидания», не так давно транслируемого на одном из федеральных каналов.

Как показывает проведенный нами анализ обстоятельств совершения самосудных расправ на территории России, отраженный в предыдущих исследованиях [14. С. 314–319], одной из детерминант, ему способствующих,

имеющих нравственно-культурологическую основу, является чувство ненависти или вражды, питаемое идеологическими соображениями.

Современное российское общество характеризуется развитием и распространением в нем идей национализма, экстремизма, ксенофобии, шовинизма, различного рода дискриминационных практик. Пример тому – традиционная для российского общества практика создания различных «образов врагов», под которые обычно попадают представители национальных, религиозных, сексуальных и иных меньшинств, обуславливающая и допускающая преступные посягательства на выходцев из социальных групп и общностей, представляющих большинство.

К сожалению, самочинное насилие над причинителями вреда идеализировалось и идеологизировалось в российском обществе до уровня героизма. Человек, готовый вопреки своей жизни, здоровью, положению в обществе выступить против коррумпированного чиновника, преступника или иного душегуба, способный найти в себе смелость и силы, чтобы наказать их за вред или ущерб, которые они причинили обществу, всегда вызывал уважительное отношение у русского народа, несмотря на то, что власть и официальное правосудие негативно относились и относятся к подобного рода поступкам. Вследствие чего мы отмечаем своеобразный социально-культурный феномен, свойственный российскому обществу, – героизацию самосуда, под которым понимаем социально устойчивый неформальный процесс надления деяний, носящих самостоятельный внесудебный характер реагирования на преступные, антисоциальные и аморальные способы нарушения прав и свобод граждан, признаками героических поступков, одобряемых в обществе и рекомендуемых для подражания.

Результатом влияния данного процесса на мировоззрение российских граждан является надление мстителей неформальным статусом «народных героев». Причем способы и методы реализации данными «героями» своих замыслов в направлении освобождения общества от антисоциальных элементов (даже если эти способы или методы будут иметь криминальный характер) принципиального значения не имеют.

Как следствие, в современной России преступные деяния, имеющие характер самосудной расправы над причинителем вреда, вызывают оправдание со стороны большинства обычных граждан. Так, например, широко известные поступки В. Калоева и А. Кузнецова не были осуждены российским обществом, а, наоборот, поддержаны и восхвалены им [15].

Таким образом, можно сделать вывод – вопреки тому, что разрешение различных социальных конфликтов, особенно криминального характера, возложено на правоохранительные органы во главе с судом, в России продолжают существовать и находят стимулы для своего развития различные внесудебные формы защиты прав и свобод личности как некриминального (позитивного), так и криминального (негативного) характера, последние из которых имеют большее распространение с доминированием среди них самосуда над причинителем вреда. В качестве данных стимулов (детерминант) выступают определенные тенденции нравственно-культурологической деградации российского общества, среди которых ведущее место занимают правовой ни-

гилизм, криминализация общества, распространение в нем криминальной субкультуры, героизация вершителей самосудных расправ.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Рос. Федерации «О поправках к Конституции Российской Федерации» от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июля 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Смирнов А.М. Самосуд: понятие и признаки // Библиотека криминалиста: научный журнал. 2013. № 3 (8). С. 120–123.
5. Смирнов А.М. Самосуд в России. М.: Юрлитинформ, 2013. 384 с.
6. Ли Д.А. Преступность как социальное явление. Системный анализ. М.: Гельва, 1997. 192 с.
7. Алексеева Л.В. Правовое самоуправление личности // Юридическая психология. 2011. № 1. С. 34–40.
8. Гулина О.Р. Феномен нигилизма в правосознании русского народа. URL: <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/10/gul> (дата обращения: 26.09.2014).
9. Гыскэ А.В. Современная российская преступность и проблемы безопасности общества (политический анализ). М.: Медицина для всех, 2000. 320 с.
10. Криминология: учеб. / под общ. ред. А.И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА – ИНФРА-М, 2010. 1008 с.
11. Чернов А.В. Современная социально-криминологическая обстановка в Прибайкальском регионе и проблемы борьбы с преступностью: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1995. 24 с.
12. Собольников В.В. Развитие личности в особых условиях деятельности. Новосибирск: НГПУ: НГАС, 1997. 419 с.
13. Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность М.: Норма, 2007. 272 с.
14. Смирнов А.М. Народное правосудие в России. М.: Юрлитинформ, 2014. 400 с.
15. Смирнов А.М. Героизация самосуда как социально-культурный феномен и криминологическая проблема современной России // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: «Право». 2013. №2 (15). С. 429–434.

Smirnov Alexander M. Scientific research Institute of Federal service of execution of punishments (Moscow, Russian Federation)

ETHICAL AND CULTURAL DETERMINANTS FOR THE EXTENSIVE USE OF CRIMINAL EXTRAJUDICIAL FORMS OF PROTECTION OF PERSONAL RIGHTS AND FREEDOMS WITHIN THE FRAMEWORK OF CRIMINAL LEGAL RELATIONS IN RUSSIA

Key words: extrajudicial forms of protection of personal rights and freedoms, legal nihilism, folklore, discrimination, criminal subculture, glorification of personality, lynch law.

Since the time when the state assumed the rights to violence and delegated powers to protect rights and freedoms of its citizens against illegal acts, law enforcement activity in our country has been carried out by means of functioning of the established system of law enforcement agencies headed by the court.

Despite this, extrajudicial forms of protecting the individual rights and freedoms still exist in the sphere of criminal legal relations in Russian society and are realized in practice; these forms can be of both a non-criminal (positive) and a criminal (negative) character. The latter are widely spread but we do not notice it because of their extremely high latency, particularly, in the sphere of domestic relations.

In our opinion, criminal extrajudicial forms include the following: criminal response to a provocative behavior of an injured party; abuse of right; resuscitation of criminal foundations of common law

(criminal lynch law). The given article deals with criminal lynch law since it dominates in the group and has been studied insufficiently. Lynch law can be understood as an independent illegal extrajudicial response of citizens to the violation of legal prescriptions, moral prohibitions, customs and traditions in the form of revenge.

It has been noted that lynch law characterized a pre-state society, weak state power and times of undeveloped law when conflicts between people were resolved in primitive and barbaric ways. However, nowadays we can see a flurry of lynch law in modern Russia. The article gives some characteristics of ethical and cultural determinants for the extensive use of criminal extrajudicial forms of protection of personal rights and freedoms in Russia in general and lynch law, in particular. The given determinants are connected with some tendencies of ethical and cultural degradation of Russian community and are mutually conditioned with it. Legal nihilism, criminalization of society, extension of criminal subculture, glorification of those involved in the administration of lynch justice are described and characterized in the article.

References

1. Russian Federation. (1993) The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (amended according to Law № 6-FCL of the Russian Federation "On Amendments to the Constitution of the Russian Federation" dated December 30, 2008, and December 30, 2008, № 7 FKZ). *Rossiyskaya gazeta*. 25th December. (In Russian).
2. Russian Federation. (2001) Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon RF ot 18 dekabrya 2001 g. № 174-FZ [Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law № 174-FZ of December 18, 2001]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 52(1). Art. 4921.
3. Russian Federation. (1996) Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 13 iyulya 1996 g. № 63-FZ [Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law № 63-FZ of July 13, 1996]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 25. Art. 2954.
4. Smirnov, A.M. (2013) Samosud: ponyatie i priznaki [Lynching: The concept and characters]. *Biblioteka kriminalista*. 3(8). pp. 120–123.
5. Smirnov, A.M. (2013) *Samosud v Rossii* [Lynching in Russia]. Moscow: Yurлитinform.
6. Li, D.A. (1997) *Prestupnost' kak sotsial'noe yavlenie. Sistemnyy analiz* [Crime as a social phenomenon. The system analysis]. Moscow: Gel'va.
7. Alekseeva, L.V. (2011) Legal self-government of personality. *Yuridicheskaya psikhologiya – Juridical Psychology*. 1. pp. 34–40. (In Russian).
8. Gulina, O.R. (n.d.) *Fenomen nigelizma v pravosoznanii russkogo naroda* [The phenomenon of nihilism in Russian people's sense of justice]. [Online] Available from: <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/10/gul>. (Accessed: 26th September 2014).
9. Gyske, A.V. (2000) *Sovremennaya rossiyskaya prestupnost' i problemy bezopasnosti obshchestva (politicheskyy analiz)* [Modern Russian crime and public safety problems (a political analysis)]. Moscow: Meditsina dlya vseh.
10. Dolgova, A.I. (2010) *Kriminologiya* [Criminology]. 4th ed. Moscow: NORMA – INFRA-M.
11. Chernov, A.V. (1995) *Sovremennaya sotsial'no-kriminologicheskaya obstanovka v Pribaykalskom regione i problemy bor'by s prestupnost'yu* [Modern socio-criminological situation in the Baikal region and problems of fighting crime]. Abstract of Law Cand. Diss. St. Petersburg.
12. Sobolnikov, V.V. (1997) *Razvitiye lichnosti v osobykh usloviyakh deyatel'nosti* [The development of the individual in special conditions of activity]. Novosibirsk: NGPU: NGAS.
13. Luneev, V.V. (2007) *Epokha globalizatsii i prestupnost'* [The era of globalization and crime]. Moscow: Norma.
14. Smirnov, A.M. (2014) *Narodnoe pravosudie v Rossii* [People's justice in Russia]. Moscow: Yurлитinform.
15. Smirnov, A.M. (2013) Geroizatsiya samosuda kak sotsial'no-kul'turnyy fenomen i kriminologicheskaya problema sovremennoy Rossii [Glorification of lynching as a social and cultural phenomenon and criminological problems of modern Russia]. *Vestnik Voronezhskogo gos. universiteta. Ser: "Pravo" – Proceedings of Voronezh State University*. 2(15). pp. 429–434.